

БЫЛ И НЕ БЫЛ

Как закрывали геленджикский театр «Торикос»

Независимая газета. — 2000. — 17 июля. — с. 7

Театр «Торикос» из Геленджика Краснодарского края служил олицетворением нового театрального строительства. Он возник еще в Советском Союзе и с первых шагов стал осваивать свежие модели менеджмента. Видимо, это и послужило одной из причин для травли со стороны городских властей, закончившейся закрытием уникального «Торикоса». Самодеятельный театр в архаичных формах кажется власти более привлекательным, чем новый

профессиональный. Другие причины развала театра казались бы нам слишком банальными, если не стояли бы за уничтожением «Торикоса» искаженные судьбы людей и более — уничтожение целого театрального движения, начавшего не только осваивать новые формы организации, но и «цивилизовать» нетеатральный юг России. Бывший директор театра Людмила Цишкова рассказывает о взлетах и падениях театра.

— В 1998 году состоялась выборы мэра. Пришел новый человек — Сергей Озеров, который, к нашему сожалению, не любит театр. Наш театр голосовал не за него, а за прежнего мэра — Александра Прозоровского, мы помогали человеку, с помощью которого был создан театр. Вероятно, поэтому новым мэром мы были записаны в «черные списки».

В мае Озеров закрывает театру финансирование. В тот самый момент мы работали со студентами Марка Захарова: Сергеем Алдониним и Андреем Сычевым. Они вместе сделали роскошное площадное представление «Нептуния» с факелами, жонглерами, моноциклами, кинжалами, драконами и сражениями. И мы эти два месяца вынуждены были жить только деньгами, вырученными на этом уличном торжестве: с шалкой по кругу.

Первую атаку мы отбили — финансирование восстановили, но уменьшили, оставив только заработную плату. Но спустя некоторое время началось то, что иначе как настоящей травлей я назвать не могу. В чем нас только ни обвиняли — и в финансовых махинациях, и в отсутствии деятельности, и в том, что мы вечно за рубежом, и что приглашаем другие коллективы и известных актеров, и мало зарабатываем, но много актерам платим. Каждый наш мелкий просчет с размахом и страстью раздувался во властных структурах и местной прессе. Показательно то, что никто не предлагал сотрудничества, помощи — власть работала на уничтожение театра, в чем и преуспела.

— Неужели на мэра не повлияло широкое признание нашего театра на «Большой земле»?

— Когда театр праздновал свое десятилетие, нас поздравляли все: Министерство культуры РФ, Российское театральное агентство Давида Смелянского, Российский национальный центр международной ассоциации любителей театров, Санкт-Петербургская театральная академия, Краевой департамент культуры, Чурикова, Караченцов, Галин, Юрский, но со стороны властей города — гробовая тишина.

Несмотря на настойчивые просьбы о личной встрече, мэр Озеров нас ни разу не принял. Несколько раз к нему приезжала генеральный директор департамента культуры края Лариса Пятитора с просьбой разобраться в нездоровой ситуации, сложившейся вокруг театра, но все оставалось по-прежнему.

Во все время существования театр «Торикос» предлагал городу массу проектов. Один из них — создание федерального театрального центра, предлагали программу фестивального движения (к тому времени единственный южный театральный фестиваль «Херсонесские игры» развалился) и концепцию ежегодного российского фестиваля «Новая пьеса» с привлечением финансирования из различных источников. Мэр мог бы нас использовать как силу, но предпочел планомерное уничтожение.

— Были ли творческие надежды, ссылаясь на которые вас могли в чем-либо обвинить?

— В 1998 году Слосаренко поставил спектакль «Плавала чарочка в сладком меду» по Горькому судбине Писемского. В Краснодаре нас поругала критика, и впервые мы уехали оттуда без приза. И мэр сказал, что зря бюджетные деньги пропадают.

— Что в этот момент происходило с творческими силами театра, ведь финансовые вопросы формально касались только вас?

— Последние два года Слосаренко говорил о том, что нужно менять концепцию театра, но в этих условиях ни о какой перестройке и речи быть не могло. И Слосаренко перестал ставить, отошел от дел — атмосфера недоверия, унижения, творческой несвободы его сильно угнетала. Слосаренко фактически уходит на вольные хлеба. Его можно понять: в свое время он ушел из репертурного театра, чтобы создать свой, новый, свободный, авторский театр, и возвращаться в ситуацию, когда художником «управляют», для него неприемлемо.

— Как вы представляли себе театр без Слосаренко?

— С уходом Слосаренко театр не стал мертвой единицей, он мог бы продолжать жить, став другим,

видоизменившись. Кстати, мы играли спектакли до последнего. Новый творческий лидер должен был со временем выкристаллизоваться. Год-два мне хотелось поработать интendantом с театром со свободной площадкой под проекты, благо что таких проектов у меня очень много, я готова была под это собирать деньги и прессу. У нас на юге основной сезон — лето, так что приезжающие к нам актеры и режиссеры могли бы здесь окупить свой отдых на юге.

— Слосаренко официально ушел из коллектива?

— 24 декабря Слосаренко по окончании отпуска должен был официально уволиться. Но еще до окончания его отпуска нам «сверху» представляли нового художественного руководителя — Наталью Шурову, директора городского Дома культуры, бывшую актрису, человека из команды мэра. После уровня Слосаренко такое назначение выглядит смешно. Цель Шуровой, которую она и не скрывала, — использование мощностей театра для самостоятельности в духе того же Дома культуры. На базе «Торикоса» был создан театрально-зрелищный центр. Все, что по крупицам собиралось в течение многих лет, рассыпалось в чужих неумелых руках. Административная и постановочная часть ушли сразу, труппа практически перестала существовать. Даже названия театра не оставили, хотя, может быть, и к лучшему.

Мы боролись до конца — устраивали собрания и акции протеста, но все права были не на стороне театра, а городская пресса хранила молчание, ни один наш материал не был напечатан, ни один сюжет не показан на ТВ. На все вопросы мэр отвечает следующее: «Театр никто не закрывал, его просто реорганизовали. Если они распались — это их проблемы». И, насколько я знаю, это не единственный в России случай расправы с театрами. И если наш случай продолжает тенденцию, то театальному сообществу нужно серьезно об этом задуматься. Судьбу творческого коллектива единолично решает один человек, обладающий властью.

Т ЕАТР «Торикос» возник в 1988 году как театр-студия на коллективном подрае (известная перестроечная модель) волевым усилием одного человека. Анатолий Слосаренко, актер Ставропольского драматического театра, увлекся режиссурой и вернулся на родину, в Геленджик. Вокруг него собрались безумно-единомышленники, которые нашли подвал, сами его перестроили и оборудовали. «Торикос» — древнее имя Геленджика, носившего его во времена, когда он еще был эллинской колонией. С 1915 года — года образования современного города — Геленджик не имел театральной истории. Скронный курортный город по советским нормативам не имел права иметь театр. И наконец, на волне перестройки, он возник.

С 1988 года мы проработали вместе двенадцать лет — Слосаренко меня буквально выдернул из банка, где я тогда работала. Я мало что смыслила в театре, и он стал моим первым учителем, которому я многим обязана. Первые же спектакли Слосаренко заставили говорить о нем как о ярком, самобытном художнике, а о существовании театра в маленьком городке — как об уникальном явлении. Постепенно мы стали получать признание. В 1989 году мы выехали на фестиваль «Кубань театральная» и взяли там Гран-при и несколько актерских премий. С тех пор каждый наш приезд приносил нам победу. Мэр Александр Прозоровский предложил нам переехать в новое здание.

Там мы выпустили «Любовь дон Перлимплина» по пьесе Гарсии Лорки — наш знаменитый спектакль, с которым мы объездили полимари. В следующем году Театр наций пригласил нас в Москву. Позже мы были в Болгарии, Франции, Словении, на фестивале Лорки в Испании, на фестивале русских театров в Марселе, на Национальном фестивале Коста-Рики (мы были вторым русским театром, побывавшим в этой стране), на фестивале в Каире, в Германии. Одними из первых мы стали использовать антирепризный метод: приглашали на постановки московских звезд — Евгения Герчакова и Тамару Котикову, Александра Феклистову и Дину Корзун. Они играли у нас в «Эдипе-царе» и «Не могу представить, что будет завтра».

Анатолий Слосаренко нечасто ставил спектакли — такого его художественная натура, но в маленьком городе нужно всегда поддерживать ситуацию «свежести». Поэтому мы проводили в городе театральные встречи — совместно с московским Театром наций фестивали моноспектаклей «Выхожу один я...», фестиваль нескучного театра «Барабулька» и форум «Июньский парадиз». На этих встречах побывало более дюжины театров — Геленджик все это видел, и мы считали, что город может гордиться нами.

— Если все было так хорошо, что же случилось?